

Секретная информация

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ БЕССМЕРТИЕ

Часть 1
СТАРУХА

Аксюта Янсен

**Условно-досрочное
бессмертие 1. Старуха**

<https://litres.ru/74665039>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне бы жизнь свою, как киноплёнку, повернуть на десять лет назад. Или на двадцать? Или на тридцать? Да и полсотни будет немного, если учесть, что умерла ты на сто седьмом году жизни. А уж если выдалась возможность прожить вернувшуюся молодость не в прежнем своём мире, а в магической реальности

Условно-досрочное бессмертие 1. Старуха

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ БЕССМЕРТИЕ

«Мне бы жизнь свою, как киноплёнку,

Прокрутить на десять лет назад...»

Владимир Маркин

слова из песни: «Я готов целовать песок...»

ЧАСТЬ 1. Старуха

ГЛАВА 1. В которой Ладияра становится переселенкой и получает некоторые необходимые знания о новой родине.

Месяц назад ей исполнилось сто шесть лет. Приезжали гости из городской администрации, очень официально поздравляли, улыбались на камеру, называли долгожительницей. Долгожительница! Надо же! Вроде бы вот только что успела поумнеть, как раз сейчас бы начать жить, а тут уже срок умирать пришел. И смерть уже близка, она чувствовала это: время от времени сердце сжимала мягкая лапа нежно-горячо-больно. Но отпускала. И Лада оставалась жить, от чего чувствовала и облегчение, и разочарование одновременно. И прекращать эту жизнь ей не хотелось, и немного страшила полная неизвестность, что будет там, за порогом, и в то же время, поддержание своего существования стало

достаточно сложной задачей. Самое элементарное: встать, одеться, приготовить поесть, убрать за собой, то, что в молодости совершалось быстро, между делом, сейчас стало сложной задачей, требовавшей дополнительного обдумывания, как к ней подойти.

И благослови господь тех умных людей, что изобрели всю эту домашнюю технику, позволявшую ей сохранять самостоятельность и не виснуть камнем на шее у родных. Впрочем, внучка (вообще-то на самом деле правнучка, но они уже давно отказались от всех этих «пра») заходила к ней минимум два раза в неделю, да и внук, её отец, каждые выходные выезжал. Жаль мало их, родных, всего по одному на поколение приходится. Дочь, которая умерла, не дожив и до пятидесяти, внук и вот теперь уже вполне взрослая правнучка. В её бы возрасте правнуков десятками считать, но не сложилось.

Щёлкнул кнопкой вскипевший чайник и в чашку с заваркой полился крутой кипяток. Так, теперь блюдце, ложечку и вазочку с печеньем. Чая в чашку она теперь наливает только до половины. Как не прискорбно было это замечать, руки у неё с недавних пор начали трястись так, что существовала большая вероятность расплескать его, не донеся чашки до рта. Салфетка. Она всегда полностью сервировала себе даже самую пустяковую трапезу. И за внешним видом своим следила: домашние мягкие брюки, пушистый мохеровый джемпер и тапочки без задников, больше похожие на аккуратные туфельки — старость, не повод распускаться и позво-

лять себе выглядеть неопрятно. Из украшений только один перстень. Массивный, мужской — янтарь в оправе из серебра. Впрочем, он — не столько украшение, сколько память о муже, которую она стала постоянно носить, когда поймала себя на том, что стала забывать не только как он выглядел, но даже как это было, когда он еще был жив. Там, почти под самой оправой и нужно было знать, куда смотреть, чтобы увидеть, застыло какое-то совсем мелкое насекомое, от которого хорошо были видны только большие, по сравнению с остальным крохотным тельцем, крылья. Муха в янтаре.

Лада тяжело и медленно встала — в последнее время для совершения даже самых простых действий ей приходилось прикладывать невероятные усилия. И путь в гостиную занял непозволительно много времени, а большое кресло, обитое мягчайшим плюшем чуть повитершимся на сгибах, не то что приняло её в свои объятия — буквально засосало, как в пучину. Устала. Лада закрыла глаза, казалось, что на мгновение, а оказалось что навсегда, потому что мгновенная острая боль, милосердного быстро прошедшая, пронзила её грудь, потом ощущение падения, казавшегося бесконечным, а за ним только тьма и далекая точка света впереди к которой её повлекло с неодолимой силой. То ли потому, что про свет в конце тоннеля не слышал разве что совсем глупый и не любопытный, то ли от того, что мир действительно устроен именно так.

А потом её, как пылесосом засосало в какой-то боковой отвилоч, еще раз прокрутило и выплюнуло в иную, странную реальность, которая реальной быть никак не могла. Во-первых, у неё теперь опять было тело — странно лёгкое, невесомое и в то же время инертное. Ненастоящее. Во-вторых, и реальность, окружавшая её, была какой-то неправильной, текучей, изменчивой и в то же время слишком упорядоченной. Геометрической, иного сравнения Лада просто не смогла подобрать, хотя при жизни обладала немалым словарным запасом. Единственное, что выглядело настоящим, это тропа под её ногами: из плотного жёлтого песка с встречающимися изредка некрупными камешками. Лада даже подумали было подобрать один, в качестве доказательства её подлинности, но решила, что это глупо. Если это такой изощрённой предсмертный бред, то почудиться ей может вообще все, что угодно, а если таково её посмертие ... то всё равно, всё что угодно. Вместо этого она принялась пристально вглядываться в окружающую не-реальность, хотя было это зверски утомительно. Правильные, математически выверенные формы, закономерно переходящие одна в одну, цвета, также вступающие во взаимодействие друг с другом, скорее химическое, чем подобное тому как смешиваются краски на мольберте художника, пропорции которым соответствовали смутно припоминаемые математические правила ещё из той, прежней жизни. Запахи появились только когда она задумалась об их существовании и то, какие-то невнятные, полу-

стёртые.

А что, если таким образом и выглядит процесс умирания, когда постепенно распадающийся разум транслирует совершенно фантастические картины, а всё, что по этому поводу рассказывают разнообразные деятели, не более чем их фантазии? Свидетелей-то нет.

В порядке эксперимента она попробовала отломить от разветвленной конструкции «ветку», и та с мертвым хрустом очень легко отделилась от своего основания. Зачем она это сделала? Какое-то совсем бессмысленное вредительство получилось. Выбросить обломок у Лады не поднялась рука – пришлось взять его с собой. И брести дальше, напряжённо и внимательно наблюдая за метаморфозами этой не-реальности, хотя это и было довольно утомительно. Очень утомительно. Слишком утомительно, просто невыносимо, до полного помутнения и отвала сознания.

Пока в репликаторе отстраивалась материальная оболочка нового жителя этого мира, Осе Лайно Барр наблюдал за этим процессом и тихо завидовал. И даже не выпавшему шансу ещё раз начать все заново, а тем знаниям, какие будущий житель этого мира усваивает прямо сейчас и с потрясающей лёгкостью. Когда-то эта технология обещала устроить прорыв в обучении, на радость всем лентяям, но оказалось, что применить её можно только когда человек не совсем материален или, как минимум, находится между жизнью и

смертью. По крайней мере, сам Лайно составил соответствующее распоряжение, что если случится с ним какая беда, которая приведёт его на грань существования, пусть медики перед реанимационными процедурами подключат его к курсу, освоить который в реале у него мозгов не хватило. На тот момент это показалось ему удачной идеей и возможностью в трагедию заронить зерно великой удачи. Да и сейчас, если честно, кажется. Особенно в тот момент, когда становятся вняты для понимания очертания тела нового переселенца и то во что это тело одето, а разум проходит невиданные и чудесные трансформации. Невидимые, что конечно же жаль, но о которых до некоторой степени можно судить по показаниям приборов, на основании чего можно будет выдать какие-то направления и рекомендации по дальнейшему обустройству. Собственно, сама машина и выдаст, его задачей, как оператора было вмешательство в случае какого форс-мажора, ну и, разумеется, встреча и приветствие нового жителя этого мира — это никакой машине не поручишь.

Не так уж часто оживали оставленные на попечение Лайно механизмы, чтобы ему надоело наблюдать за одним и тем же в своей основе, но весьма разнящимся в значимых частностях процессом. Как постепенно, в туманной мути репликатора становятся доступными для непосредственного восприятия общие антропоморфные очертания и тут же покрываются пеленой из одежд — почему-то все люди из всех миров, сколько их есть, в представления о собственном теле вклю-

чают кучу привычных, сопровождавших их в течение жизни вещей, не только облачения, но и украшения, хронометры, прочие мелочи. И это не стало исключением. Просветлела, а потом и исчезла туманная дымка, оставив в репликационной зоне только поручень — не все сразу начинают ориентироваться в новом, окружившем их плотном мире, многим требуется некоторая поддержка. А новосозданный человек и вовсе чуть было не свалился с ног — настолько сильно пошатнулся.

Взглянув на нового жителя этого мира, Лайно ощутил мгновенный укол разочарования. И вот это — то, ради чего создавали наисложнейший механизм гениальные конструкторы прошлого?! Существо было убогим. Тонкое, скрюченное тельце, редкий белый пух на голове, кожа обвисла, а кое-где, местами, была покрыта неровными тёмными пятнами. Проще говоря существо выглядело совершенно нежизнеспособным, но природное скопидомство (очень жаль было собственных затраченных усилий) не позволило Осе Лайно Барру сразу спустить его в утиль. Женщина. Это он определил не по каким-то внешним признакам, которые были совершенно неинтерпретируемы, это природная чувствительность понять помогла. Он смерил её тусклым взглядом, но речь, стандартную, уже не раз произносившуюся и которую не раз еще будут произносить, всё же начал:

— Это не смерть — ты жива, и жить будешь в ином мире, совсем не похожем на тот, в котором ты обитала раньше.

Жить долго, так долго, как сама захочешь — для нас не определён конечный срок бытия. На пороге, где смерть встречается с жизнью, ты получила кое-какие знания, которые позволят тебе выжить в нашем мире и что-то от тебя ушло, а что-то осталось. Позднее подумаешь что именно, это может оказаться важным. Вопросы есть?

Бледные тонкие сиреневые губы дрогнули, вытолкнув единственное слово:

— Зачем?

— Нам так надо было, — сказал он, по сути ничего не ответив и продолжил, торопясь сказать всё важное, пока у новосозданной не закончился период предельной внимательности. — Вот эти бумаги — это твои документы, смотри не потеряй. Да, и не вздумай распространяться о своей прошлой жизни, если жить тебе не надоело — развоплотишься на раз. По легенде ты эмигрантка из Баргалии, места очень далёкого и это должно снять большинство вопросов по твоей неосведомлённости. По выходе направишься к зданию с самым высоким шпилем, там тебе скажут, что делать дальше. Теперь действительно всё. Иди! — проговорил он с силой и Лада шагнула в белую дверь в белой стене в которой, кажется, за мгновение до того ничего не было.

Вышла и сразу же чуть не угодила в эпицентр драки. Жестокой, это сразу же было заметно, хотя ни холодного, ни, тем более, огнестрельного оружия видно не было. А вот пострадавшие уже имелись: один, держась за живот, сидел,

привалившись к стене в паре шагов от неё, другой неопрытанной кучей валялся на обочине дороги. Лада сразу же, не раздумывая, отступила к стене, в которой никакой двери не было уже и в помине, прижалась к ней спиной и начала потихоньку отступать в сторону. Когда ты очень хрупкая старая дама, подобные зрелища любопытства не вызывают, а помощи с тебя всё равно никакой нет.

Страшное место, эта новая реальность, в которую её закинуло.

Страшное, но по-своему притягательное, это она вынуждена была признать. Пока медленно, порядком изношенные тело иного не позволяет, бредешь по улицам незнакомого города есть время поглазеть по сторонам. И что бы она там себе не думала поначалу, это явно не тот свет, каким его представляют себе люди её далёкой родины. Слишком уж чуждый и в тоже время реальный. Небо низкое, словно бы состоящее из бледных, перламутрово светящихся пятен. Широкие лопасти медленно вращающихся ветряков, поднятые ввысь массивными башнями, словно бы цепляются за него. Под ногами неровные булыжники мостовой, сама улица течёт, плавно изгибаясь, узкие листья деревьев длинны и столь бледны, что почти не имеют цвета. А на том месте, где в нормальном городе находились бы газоны, здесь располагались мелкие пруды с кристально-чистой водой, в которых живут рыбы, внимательно следившие за прохожими прозрачными,

внимательными и очень умными глазами. Так, по крайней мере, показалось Ладе.

Прохожие? Прохожие были, их высокие силуэты в долгополых одеяниях то и дело попадали в поле её зрения, но их было немного и все они предпочитали обходить её по широкой дуге. Опасение? Отвращение? Пока рано судить. Но Лада привыкла: и дома многие отводили от неё взгляд, неприятно людям видеть чужую немощь.

Куда она шла? Поначалу просто пыталась убраться подальше от опасного места, потом подняла глаза от неровных плиток мостовой и упёрлась взглядом в высокий белый шпиль, словно бы воткнувшийся в небо. И тут же вспомнила, что именно туда ей и надо, так говорил тот странный человек, встретивший её в не менее странном месте. Ещё и документы какие-то всучил, буквально впихнул ей в руки, удивительно, что она их до сих пор нигде не посеяла, а дисциплинированно тянет за собой. Что ж, в качестве конечной цели это направление ничуть не хуже любого другого. Всё равно никаких иных вариантов у неё нет, кроме как разве что лечь и прямо не сходя с места умереть, но это Лада сегодня уже пробовала и получилось у неё это дело настолько криво, что повторять нет никакой охоты. А вот тощую стопку малоформатных листков желтоватой рыхлой бумаги, следовало осмотреть поподробней.

Лада остановилась прямо посреди тротуара и потёрла левую сторону груди. Сердце, словно бы опомнившись, опять

начало тихо и нудно ныть. Ну да бог с ним, если не обращать внимания получается вполне терпимо.

Ветка, обломанная во время посмертного путешествия, которую она так же продолжала тащить за собой, мешала. Лада ещё подумала, что, может, бросить её, но та выглядела такой вопиюще живой, что рука не поднялась, пришлось зажать её подмышкой и начать перебирать бумажки неловкими, скрюченными артритом пальцами. Так, ну это явные документы, причем, что довольно забавно, на том месте, где должно значиться ее имя — пустое место, видимо, предполагается, что позднее она впишет его сама. Следующая бумажка — направление на работу. Какие, однако, предусмотрительные у нее похитители, позаботились о том, чтобы она имела возможность получить средства к существованию. И, если верить этой писанине, служить она будет при местном муниципалитете в качестве... Кого-кого?! Лада прочитала еще раз и убедилась, что зрение ее не обманывает, там действительно написано: «Специалист по инженерно-теологическим изысканиям и контролю качества построений». Губы сами собой расплзлись в иронической ухмылке. Это хорошо. Если она до сих пор способна смеяться над абсурдностью ситуации, значит, точно жива.

Ближе к центру города прохожих стало намного больше, а вот желающие шарахаться от чудаковатой старухи практически исчезли. Что здорово затруднило её передвижение, ибо никаким подобием деликатности местные жители не об-

ладали. Толкали, пихали и задевали её как нечто неодушевлённое и, не извинившись, бежали дальше. Лада пару раз даже чуть было не упала — буквально чудом удержалась на ногах. Здания с самым высоким белым шпилем она всё-таки достигла, но не смогла ощутить по этому поводу не то что радости, но даже удовлетворения — слишком устала. А на улице, как назло, ни одной лавочки, да Лада бы даже на мостовую присела, не тот у неё возраст, чтобы по мелочам смущаться, если бы не опасение, что потом не сможет встать, и если бы не было так людно. Затопчут ещё.

Высокая, в два человеческих роста монументальная дверь неожиданно легко подалась под её рукой, а само здание встретило тишиной, полумраком и прохладой.

— Ты кто такая?

Человек словно бы из разреженного воздуха материализовался. А, впрочем, возможно это от усталости она утратила элементарную внимательность, а он просто за дверью стоял. Тратить время на то, чтобы объяснить ситуацию Лада не стала. Тем более, что и сама не очень-то её понимала. Вместо этого она протянула вопрошавшему тощенькую кипку бумажек.

— А-а, — он только мельком глянул на документы. — По направлению из эмиграционной службы? Тебе туда.

Он ткнул пальцем куда-то в сторону и в это «туда» Лада и отправилась, очень надеясь, что там, куда она придёт, будет если не человек, который скажет ей что делать дальше, то

хотя бы банкетка, на которую можно будет присесть.

В единственную раскрытую дверь она вошла так тихо, что человек сидевший за конторкой, даже взгляда не поднял от каких-то своих бумаг. А человек ли? Из пышной копны волос (самая популярная здесь причёска, как Лада успела заметить, а-ля львиная грива) выглядывали кончики коротких тупых рожек. Да и по коже, если присмотреться, расплзались тёмноокрашенные участки – по скулам, чётко очерчивали крылья носа и тонкой линией вокруг глаз, что делало черты лица более резкими и выразительными. Человек поднял на неё взгляд – а ведь и глаза у него тоже нелюдские, от радужки к уголкам бежали тонкие стрелки, делившие глаз на верхнюю и нижнюю половину.

— Ты ко мне? – он даже вздрогнул от неожиданности, когда случайно поднял взгляд и увидел прямо перед собой неожиданную посетительницу.

Лада по-прежнему молча протянула свои документы. Даже если и не к нему, сам разберётся.

— Очередная эмигрантка, в мой отдел, значит, — чиновник, мельком глянув на бумаги, сузил глаза и очень внимательно оглядел Ладу с ног до головы. — Зовут тебя как?

— Ладияра, — Лада решила представиться полным именем.

— Это так тебя обычно называют, — клерк мельком глянул на неё и увидев утвердительный кивок, сделал вывод: — Значит, это второе имя. Какими будут первое и третье?

— Поклонская Ладияра Казимировна, — отрапортовала она привычное, и про себя подивилась схожести обычаев разных миров.

— Пиши, — он ткнул бумаги в её сторону.

— Лучше вы, — Лада отрицательно качнула головой, даже и не подумав взять протянутое ей стило. Чужая письменность хоть и была ей странным образом понятной, но воспроизвести эту затейливую вязь она не взялась бы. Более того, на руки свои она уже давно отвыкла полагаться и даже на родном языке в последние годы писала только крупными корявыми печатными буквами. Или набирала текст на клавиатуре, про себя молясь богу технического прогресса.

Так до сих пор и не представившийся чиновник досадливо поморщился, но всё вписал сам, несколько раз уточнив правильность звучания имени. Заполнил ещё несколько бумаг — действительно бумаг, ничего похожего на современную ей электронику Лада не заметила, попросил подержать ладонь над бликующей антрацитово-чёрной пластиной, между делом бурча на тему, что присылают тут всяких, с которыми потом совершенно непонятно что делать. И толка с них никакого, и выгнать взащей правила не позволяют, и даже не принять никак невозможно. Потом гаркнув в полную силу лёгких, выкликнув девицу недовольной наружности.

— Отведи её в нижний сектор.

Девица пренебрежительно фыркнула и резво застучала каблучками по коридору, не слишком заботясь о том, отпра-

вилаась ли за ней следом сопровождаемая или нет.

Очень как-то не ласково встретила Ладу эта реальность, сначала затащили её сюда и «нам так надо было», а теперь ведут себя так, слово бы она самовольно к ним припёрлась. Пожалуй, даже та вымороченная геометрическая вселенная, кусочек которой она так и тянет за собой, была уютней.

— Куда вы меня ведёте? — любопытствовала Лада, не столько из желания узнать ответ на этот вопрос, сколько потому, что не поспевала за шустрой девицей и надеялась, что необходимость отвечать заставит её хоть немного сбавить темп.

— Как куда? Пришла? Работай! — Девушка пренебрежительно дернула худеньким острым плечиком. Дважды повернув, спустилась на пять ступеней вниз, на уровень полуподвала, распахнула нужную дверь и оставила Ладу одну в кабинете, где в стенных шкафах теснились разноформатные книжки и подшивки документов, а на столе горкой громоздились картонные папки.

Одна. Можно закрыть глаза, провалиться спиной к двери и облегчённо вздохнуть. А ещё лучше, дать отдых усталым ногам и присесть, благо и стул здесь какой-никакой имеется.

И раз уж добралась до тихого спокойного места, да присела, самое время обдумать, прочувствовать да осознать всё, что с ней произошло за последние сутки, но стоило ей только усесться, устроиться с максимальным комфортом, как руки сами потянулись к картонным папкам. Сначала вполне

бессмысленно, только для того, чтобы было на чём близком взгляд остановить, потом неожиданно заинтересовавшись содержимым. Любопытно, что за инженерно-теологические изыскания и к какому делу она теперь приставлена? Жизнь ума, это в последние годы была единственно возможная для неё активная и разнообразная форма жизни. Да что там говорить, к ней до последнего за консультациями из музея обращались и электронную переписку она вела довольно активную. Благо у внучки достало терпения обучить старуху простейшим приёмам использования современных средств связи.

Папки содержали в основном графические схемы с очень короткими поясняющими приписками и, как это ни странно, но Ладе в целом они были понятны. Не просто понятны, а кристально ясны и она даже после первого беглого просмотра нашла несколько грубейших ошибок. А после более внимательного прочтения, еще несколько, не столь очевидных. Ну что, начать работать, как ей и велели? Правда, Лада была совершенно не уверена, что её новые обязанности заключаются именно в этом, но в любом случае, почему бы не заняться тем, о чём, оказывается, имеешь некоторое представление? Затратив некоторое время на поиски, карандаш она обнаружила в мелком выдвижном ящичке под столешницей и принялась исправлять допущенные ошибки. Дрожащей рукой, что получалось довольно медленно и не слишком аккуратно, но зато тонкими линиями, которые при же-

лании и если она делает что-то сильно не так, несложно будет стереть. Или замазать чем-нибудь. Потому как карандаш оказался вовсе не карандашом, он не исписывался и не затуплялся, просто от прикосновения его кончика на бумаге появлялись тонкие линии. И бумага оказалась не бумагой – плотная, но мягкая, как тряпка, она легко принимала форму не слишком ровного стола. Непривычно, не слишком удобно, но и не очень мешает, не отвлекает от главного.

Жаль, но надолго Лада одна не осталась: спустя непродолжительное время дверь её кабинета раскрылась, впустив заодно и коридорный шум, и в помещение вплыла молодая дама столь впечатляющей наружности, что будь Лада мужчиной, потеряла бы дар речи. Но мужчиной она не была, а и сама являлась дамой, причём столь почтенного возраста, что чужие достоинства и недостатки вызывали у неё лёгкую смесь снисходительности и сожаления.

— Новенькая? – красotka вопросительно изогнула идеально очерченную бровь.

Лада чуть склонила голову, так, что при желании этот жест можно было счесть за согласие.

— Эмигрантка, — утвердительно продолжила та. — По программе обмена. Пойдём, познакомимся, расскажешь, чего тебя к нам понесло, заодно перекусим. У нас как раз сейчас перерыв.

На предложение, высказанное в подобном тоне, Лада ответила бы отказом даже в том случае, если бы у неё были

местные деньги или чем тут у них положено платить за еду. Но ни денег, ни желания что-то там докладывать о себе высокомерной девице у неё не было.

— Спасибо, я не голодна, — хрипло каркнула она. Голос, отвыкший от использования, не желал повиноваться, ещё и язык, кажется, был какой-то незнакомый, чего она не замечала до тех пор, пока сама не пыталась заговорить.

Девушка поморщилась от столь немелодичного звука, а от пристального взгляда очень светлых глаз ей стало как-то не по себе. Настаивать на совместном проведении времени она не стала. Странная какая-то баргайка, неприятная и отталкивающе-некрасивая, больная, что ли? Или для них там это норма, кто их разберёт, этих баргайков? Хотя нет, Вато Айтум Лен – вполне себе лапочка, хотя тоже баргай и не скрывает это.

Сбитая неожиданным вторжением с рабочего настроения, Лада отложила папку в сторону. Мир чужой, незнакомый и какой-то неправильный, а обычаи, что здесь, что там... Надо же, обеденный перерыв! Но если уж он есть, грех не воспользоваться и придумать себе хоть какое-то дело за стенами этого кабинета. Где-то тут, среди картонных завалов на рабочем столе Ладе попадалась ... кружка? Чашка? Стакан? В общем, какая-то ёмкость, годная на то, чтобы наполнить её водой. Ко дну присохло что-то не опознаваемое, там же скопилось пушистое облачко пыли – похоже давно не находилось желающего занять это местечко. Нет, пить она не со-

биралась, ей сейчас почти совсем ничего не хотелось, а вот поставить в воду ветку ... а то нехорошо как-то получается: сорвала, утащила бог весть куда и оставила засыхать. Неправильно это.

Лада провела пальцем по слову ветки – влаги там не оказалось, зато на пальце остался след из тонкой серой пыли, очень похожей на графитовую.

Всё равно нужно поставить в воду. Вода – это жизнь, а жизни много не бывает.

И зажав в руке стакан, она тихо поковыляла к выходу: пять ступенек, два поворота, длинный коридор к парадному входу, который в этот час оказался распахнут настежь и впускал-выпускал кучу какого-то неопознаваемого народа. И на площади перед муниципалитетом, насколько Лада поняла, это был именно он, так же фланировали парадно одетые дамы и господа, среди которых она, во-первых смотрелась бы чуждо, во-вторых просто не хотелось. И в третьих, она тут не просто так, у Лады дело есть. Медленно, под стеночкой, она свернула за угол – здесь, всего в двух шагах от оживлённой площади, как ни странно, было удивительно пустынно. А стоило совсем немного пройти вперёд по узкой улочке, как Лада наткнулась на фрагмент очень знакомого ей пейзажа: мягкий изгиб низкого парапета, пара деревьев и мелкий пруд с чистейшей водой, в которой живут крупные большеглазые рыбы с блестящей чешуёй. Подобных пейзажей на пути, который она проделала от места своего появления до нового

места работы, было предостаточно.

Красиво. Красота окружающей природы, в которую никакая спешка больше не мешала ей всматриваться, тоже в последние годы стала существенной частью её жизни. И можно усесться на тёплый каменный парапет и вдыхать удивительно свежий воздух, какой в её родном мире бывает только в осеннем лесу. И жаль, хлебных крошек нет, чтобы покормить подплывающих к самому парапету рыб и ещё больше жаль, что рыбы – не кошки, не погладишь их по голове и не почешешь за ушком, а бабушка Лада не отказалась бы сейчас от такого варианта общения с природой.

Кстати, о природе, воды-то она так и не набрала, а перерыв не может быть бесконечным, и часов у неё тоже нет.

О том, что уж там думали прохожие и магистратские служащие при виде неё, аккуратно несущей заполненный на две трети стакан, Лада предпочитала не задумываться, но явно ничего лестного.

Люди молодые, даже если и задумываются, всё равно не в состоянии представить, какова она, старость. Что необходимость пройти каких-то несчастных сто пятьдесят метров со стаканом воды в руке превращается чуть ли не в полосу препятствий. А чтобы подняться на стул и водрузить ветку на высокий подоконник (растениям же ведь нужны не только вода, но и свет) каждое действие приходится планировать с тщательностью, а совершать с осторожностью, с какой работают, наверное, одни только сапёры. И думать даже бояз-

но, что эту операцию придётся проделать ещё не один раз, без регулярного полива ни один цветок не выживет, это Лада знала совершенно точно.

Зато после можно вернуть стул к рабочему столу, сесть, расслабиться и опять поближе подтянуть папки с бумажками. Их содержимое сильно напоминало Ладе сборник графических головоломок, если не по форме, то по сути своей. А кроссворды и прочие их родственники вполне годятся на то, чтобы служить гимнастикой для ума и средством, чтобы скоротать время. Одна картинка, в которую требуется внести соответствующие правки, сменялась другой, нет, всё-таки сильна в ней страсть к восстановлению порядка, даже годы особенно на неё не повлияли, и Лада так увлеклась, что провела за этим занятием несколько часов — как раз все то время, что оставалось до конца рабочего дня. Просидела бы и больше, если бы одна из разбитных девиц, что стайками сновали по зданию мэрии, не заглянула в ее кабинет и не приказала выметаться.

А куда?

Губы Лады сложились в лёгкую, светлую улыбку — она вспомнила внучку, вернувшуюся из первой своей заграничной поездки с её «правилом лосося». То есть, если не знаешь куда идти, все надписи на непонятном языке и речь вокруг звучит неродная — иди за толпой, люди знают, куда идут, куда-нибудь да выведут. Правило не подвело. Небольшими группками и по одному люди направлялись в ближайший к

выходу кабинет, к столу клерка, выдававшего дневной заработок. Как она это поняла? Да очень просто: добрая половина из тех, кто получил нанизанные на изогнутый наподобие английской булавки металлический прутик кругляши, начала вслух рассуждать, на что она их потратит. И надо было быть совсем уж глупой и ненаблюдательной, чтобы не понять, что вот это и есть деньги.

— Новенькая?

Клерк поднял на неё светлые глаза, расчерченные горизонтальными рисочками на верхнюю и нижнюю часть. Лада кивнула.

— Регистрировалась?

— Документы у меня есть, — ответила она, не слишком понимая, о том ли её спрашивают и протянула тонкую кипу листов, которую не решилась оставить на своём так называемом рабочем месте.

Молодой человек (собственно, они тут все были молодыми), сдвинул в сторону бумаги, вместо них сунул ей под руку матово-тёмную табличку, размером со среднеформатную книжку, попросил приложить к ней руку, потом, пробормотав что-то вроде: «Ага, минимальный оклад», выдал ей примерно такую же как и остальным низку с местной валютой, и, достав с другой полки, добавил к её тощенькой стопке документов ещё одну картонку.

— Это – жилищная карта, она даёт право поселиться в одном из муниципальных домов. На ней всё написано.

И отвернулся к следующему клиенту.

На крыльце Лада растерянно остановилась. Нет, не с тем же вопросом: куда дальше? Теперь это было вполне ясно, жилищная карта действительно содержала кое-какую полезную информацию, вроде адреса, но как его найти, если города совсем не знаешь? Нет, понятно, спросить можно, язык до Киева доведёт и она непременно так бы и поступила, если бы ей было хоть на полсотни лет меньше, но... И всё-таки надо идти.

— Помочь вам добраться до дома?

У подножия лестницы Лада снова остановилась и в растерянности заморгала — к ней обращался симпатичный, представительного вида, мужчина. За этот день она уже успела привыкнуть к мысли, что местные жители настроены крайне недоброжелательно по отношению лично к ней. Или ко всем инаковыглядающим, что не имело принципиальной разницы. Подобное предложение стало, мягко говоря, неожиданностью.

— Боюсь, я не в состоянии оплатить проезд, — отказалась она осторожно.

— Я не зарабатывают частным извозом, — у губ незнакомца появилась пренебрежительная складка, — просто я знаю, куда вас поселили и сегодня мне по пути. Могу подбросить.

На самом деле Вато Айтум Лену было совершенно не по пути. Просто увидел оглядывавшуюся в растерянности жен-

щину и не смог пройти мимо. Баргайев, как называли здесь переселенцев, можно было безошибочно опознать по экзотической наружности, а если учесть, что эта еще не успела местной одеждой обзавестись, значит, появилась она в этом мире только-только и хорошо если не прямо сегодня. А каково это, он на собственной шкуре испытал. И пусть за прошедшие годы он здорово изменился, стал почти неотличим от коренных, даже вон рожки отрасли и пойнты по всему телу расползлись, не забыл каково это ничего не знать, ничего не понимать. Кстати, он тайком стрельнул взглядом по сторонам, а где ее куратор? Тот, чьей обязанностью является присмотр за свеженькой переселенкой и ненавязчивая помощь в самых затруднительных ситуациях. Нет такого. Хорошо прячется, паршивец, они это умеют – тоже на своей шкуре испытал.

— Тогда, буду очень благодарна, — и Лада с облегчением опустила в мягкий салон.

Ее проводили заинтересованными взглядами. Аэр Айтум, старший облачный инспектор, не имел привычки пускать в свой экипаж случайных попутчиков и даже когда в прошлом сезоне ухаживал за аэри Тяё всего-то раз пять её куда-то подвозил, не больше. Экипаж мягко тронулся, плавно и ловко, словно бы не мёртвый механизм, а живой кот, огибая прохожих, даже и не думавших шарахаться или как-то иначе уступить транспортному средству дорогу. Непривычно. Зато двигался он легко и практически бесшумно, не доставляя своей

хрупкой пассажирке ни малейшего неудобства. Спутник её молчал — то ли не зная о чём с нею разговаривать, то ли и вовсе не имея такого намерения.

А аэр Айтум, изредка искоса поглядывая на свою пассажирку и думал, как же хорошо было бы поговорить, выслушать, обменяться впечатлениями, надавать кучу полезных новичку советов. Да просто спросить: как ты с этим справляешься? Но нельзя. Первое время, пока переселенец не приживётся в новом мире даже вспоминать о своей покинутой родине лучше бы пореже, не то что говорить о ней. Потом, по прошествии времени — можно (только потом выясняется, что делать это не с кем, не наедине же с самим собой разговаривать), но точно не на первый-второй день после появления, и даже не на сотый, и хорошо, если на тысячный.

О, а вот и муниципальное жильё, далековато её, кстати, разместили, сам первое время, пока не накопил на собственную квартирку, жил в подобном. Он остановил авто — чудо, с которым он впервые столкнулся только в этом мире и которым сразу же возмечтал завладеть и научиться управлять им. Притихшую пассажирку пришлось легонько тронуть за плечо.

— Ваше жильё.

Она чуть заметно вздрогнула, очнувшись, и неловко выбралась из авто.

— Если возникнут какие-то вопросы, можете смело обращаться. Я-то знаю, каково здесь быть новичком, — позволил

он себе прозрачный намёк и ещё раз подумал: «где же её куратор»? Обязательно должен быть. Шансов выжить в этом непростом мире у новичка без посторонней помощи и поддержки было немного.

ГЛАВА 2. В которой первый, самый длинный день продолжается, заканчивается и начинается следующий.

Лада застыла на месте и только спиной ощутила, как отъехало авто. Это вот и есть теперь её новое жильё? Низкое, всего в два этажа монументальное строение, лестница шириной в половину фасада и двор, в противоположность городским мостовым, засыпанный мелким белым песком. Не слишком приветливое, но, безусловно, обладающее собственным характером.

Для того чтобы двигаться дальше, требовалось собраться с силами и даже не столько физическими, сколько душевными. Однако и здесь ей повезло – почти не потребовалось на что-то решаться самой, из дома выскочила разбитного вида тётка, сделала какую-то пометку в её жилищной карте и поволокла-потатила Ладу за собой, заселяться. Чувствовалось, что она здесь не первая переселенка и приёмка на житьельство таких вот, ничего не знающих, ни в чём не разбирающихся у местных была отработана до автоматизма. Тётка была говорливой и двигалась в два раза быстрее, чем уста-

лый глаз успевал за ней следить, так что Ладе временами начинало казаться, что та телепортируется на экстракороткие расстояния. Но объясняла, как и чем здесь пользоваться, очень чётко и доходчиво, так что с элементарными вещами, такими как включить-выключить свет или воду, или открыть-закрыть за собой дверь у Лады проблем возникнуть не должно было. Хорошо ещё, что предназначенная ей комната оказалась маленькой, содержала не так много вещей, требовавших разъяснения и Лада очень скоро осталась одна. Она уселась на узкую койку и устало прикрыла глаза.

Вот, казалось бы, гуляла Лада утром, с тех пор в основном сидела и даже до нового дома её подвезли, а устала она, так что даже на приветственную улыбку сил едва хватило, когда новая знакомая представлялась: «Зовите меня просто Ёся!». Старость? Нет, стара она была добрую половину своей жизни, и даже отвыкнуть успела списывать на неё всё подряд. Слишком долгий день и слишком много впечатлений? Пожалуй. И сейчас бы лечь, благо и постель вот прямо тут, закрыть глаза и погрузиться в сон... но осталось ещё одно дело, откладывать которое было ни в коем случае нельзя. Поесть. Ибо ела она так давно, что, кажется ещё в прошлой жизни. Без преувеличения. И было это пол чашки зелёного чая с ложечкой мёда. Очень хорошего чая с настоящим майским мёдом, но для того, чтобы завтра появились силы встать и как-то начать налаживать свою жизнь, этого было явно недостаточно.

Пришлось поднимать себя с постели, заставляя, придер- живаясь за стены и спинки стульев, выбираться из комнаты, а потом и из дома, оглядываясь в поисках продуктового ма- газина или хотя бы передвижной тележки с пирожками и бу- лочками. Это, конечно, не дело полуфабрикатами питаться, но для первого дня сойдёт. А на улице Лада внезапно поня- ла, что понятия не имеет, в какую сторону идти – с крыльца ничего подходящего видно не было и не в её возрасте, и не с её состоянием здоровья наугад тыкаться.

— Эй, мальчик! — окликнула она шатавшегося неподалё- ку подростка, почти юношу. Встрёпанная грива давно не чё- санных волос, запылившееся, обтрёпанное по нижнему краю одеяние, независимо сунутые в карманы руки – всё в нём выдавало мальчишку из небогатой семьи, которому прямо сейчас некуда себя девать.

— Чего надо? – он не просто повернул в её сторону голову, а развернулся всем телом.

Ёжи специально шатался неподалёку, чтобы глянуть на нового жильца – в этом районе так редко происходило что- то новое, что и подобный пустяк сойдёт за событие. Но про- пустил его появление, и теперь с немалым удивлением рас- сматривал маленькую, хрупкую и как-то неестественно изо- гнутую фигурку.

— Не подскажешь, где здесь поблизости можно недорого поесть?

— В «Прудках», — мальчишка безразлично пожал пле-

чами и совсем было уже собрался развернуться и утопать по каким-то своим делам, но внимательней взглянул на Ладугу и остался. — Новенький?

— Новенькая, — ненавязчиво поправила его она. — И буду очень благодарна, если ты укажешь мне дорогу.

— Пошли, проведу немного, — он снова сунул руки в карманы долгополого одеяния и ещё раз, сверху вниз, оглядел её. — Тебе бы ещё одежду сменить, здесь так никто не ходит. Ты же баргайка, да? И чего вас сюда тянет, думаешь, здесь устроиться намного проще?

Не отвечая на его вопросы, по большей части риторические, она раскрыла ладонь, в которой была зажата булавка с её сегодняшним заработком.

— Этого хватит и на еду и на одежду?

— Э-э, — мальчишка, глянул искоса. — Пожалуй, этого ни на что толковое не хватит.

По-хорошему ей стоило бы беспокоиться состоянием собственных финансов: как жить если её дневного заработка не будет хватать даже на полноценный обед? Но она имела некоторое представление чего и сколько могут сметель в один присест такие вот на вид тощенькие мальчишки. А ей в последние годы хватало совсем малой малости.

— А сам-то ты кто будешь?

— Онго Ёжи Уной, я сын смотрительницы Чужого Дома. Да ты с ней наверняка уже познакомилась, ма всегда сама встречает новеньких и показывает им что да как.

— Тётушка Ёси? Да, видела уже, — она ухватила его за локоть, придерживая, передвигаться со скоростью резвого подростка она была не способна. — А сам ты чем занимаешься?

— Учусь, — он независимо дёрнул плечами.

— В школу ходишь? — тоном: вот теперь мне всё понятно, сказала Лада.

— Что такое «школа»? — спросил Ёжи и, не дожидаясь, ответа, даже не сделав паузу, куда бы он мог вклиниться, продолжил: — А, это наверное что-то из ваших, баргайских обычаев. У нас для учёбы нет надобности куда-то ходить, разве что в библиотеку за книгами. А как считаешь, что достаточно твёрдо освоил очередную ступень, так добро пожаловать на экзамен.

— Бедные дети, — посочувствовала Лада, — как же так, без наставников учиться?!

— Наставники есть, говорят, старые семьи для своих отпрысков по пять штук за раз нанимают, но...

Он не договорил, но и так было понятно, что удовольствие это не из дешёвых. Они побрели дальше — медленно, со скоростью едва переставляющей ноги старухи. И Ёжи, который всю жизнь считал, что Прудки находятся совсем рядышком извёлся от нетерпения. Но бросить спросившую дорогу аэри было бы хамством, а от подобного поведения мать его отучала и отучала весьма усердно. И права была, кстати. Привычка быть вежливым всегда и со всеми хоть и доставляла,

подчас, неудобства, пользы приносила гораздо больше, чем вреда. Ага, ну вот и заведение тётушки Лулоф, теперь вцепившуюся в его локоть руку можно аккуратно переложить на перила лестницы и тихо смыться. Что у него, дел своих нету, что ли?

В забегаловке было жарко и чадно, а в воздухе висела такая невообразимая смесь ароматов, что вышибала мозги не хуже выстрела в голову. Ёжи, куда-то делся, Лада не заметила, в какой именно момент мальчик исчез, но миссию свою он выполнил, довёл до места, где можно было получить горячую пищу, а это главное.

— Что будете есть? — хозяйка, высокая женщина с быстрыми и ловкими руками, скользнула по Ладе рассеянным взглядом, не заинтересовавшись ею как едоком.

Вопрос поставил Ладу в тупик. Что есть? А если бы она знала хоть одно название местного блюда! Лада поступила проще: ткнула пальцем в сторону большого котла, располагавшегося прямо в центре помещения над открытым очагом с раскалёнными углями — дым от него частью уходил в округлое отверстие в крыше, частично расползлся между столиками.

— Мне вот этого маленькую порцию.

— Деньги есть? — хозяйка насторожилась на словах «маленькая порция» и решила проверить платёжеспособность клиентки. Те, кто заходил в её заведение, работали много и поесть предпочитали плотно. Но взглянув на нанизанные на

булавку монеты, успокоилась.

Большая часть столиков в это время дня оказалась занятой, а из тех, что были рассчитаны на одного, свободным оказался единственный, располагавшийся у самого очага и, скорее всего, именно поэтому на него никто не позарился. Ничего, ей это было как раз, с возрастом Лада вообще чаще стала мёрзнуть, чем страдать от жары.

Стул был удобным, эргономичной формы, так, кажется, звучало это новомодное слово, а вот стол оказался таким же бугристо-неровным, как и её рабочий. Как и, похоже, вообще всё здесь. Словно бы местные мастера даже под страхом смертной казни не способны провести ни одной прямой линии. Зато миска, также обладающая неповторимыми изгибами, вполне надёжно и основательно на нём уместилась. Небольшая порция – это оказалась тарелка размером чуть больше стандартной суповой, с горкой наполненная густым варевом, распространяющим сытный дух. И если это – маленькая, то какова же тогда большая? Хозяйка, поставившая перед ней снедь, не отошла, а смерив свою новую клиентку взглядом, и поколебавшись не больше десятка секунд, проговорила:

— Я подозреваю, что вы здесь если и не первый день, то очень недавно и многих правил можете не знать, — Лада вскинула голову, — но у нас принято есть каждому своей ложкой и приносить её с собой.

Идти, искать магазин, где торгуют столовыми приборами

и это в то время, когда еда уже поставлена перед ней, а кости ноют, умоляя об отдыхе?

— А занять или купить прямо у вас её невозможно?

Тётушка Лулоф ничего не ответила, она вообще была особой до крайности неразговорчивой, зато меньше чем через минуту вынесла из подсобки ложку. Из полированного дерева, почти плоскую, с небольшой выемкой, скорее даже больше похожую на лопатку, чем на настоящую ложку.

— Одна монета.

Лада подивилась подобной дешёвизне, но переспрашивать не стала – вместо этого отцепила от булавки ещё одну денежку. Осталось ещё две трети низки? Отлично, значит, дневного заработка ей будет хватать не только на еду.

Тётушка Лулоф убрала денежку в карман – носить их на низанными на булавку она так и не привыкла. Сумма, за которую она продала новой клиентке ложку, была чисто символической – конечно же, столовые приборы стоили много дороже. Но в накладе она не останется – проверено много раз, и эта клиентка к ней ещё не раз вернётся. Мало кто знает, но еда кажется много вкуснее, если она положена в миску из древесины дерева бри и кушается ложкой из того же материала. А дерево бри в Циунеле не растёт, здесь только ошты прижились, посуду же ей внучатый племянник режет, а доставляет её из Берегового Океана брат троюродный. Они, выходцы из анклавов–сателлитов крепки своими семейными связями – тем и держатся.

Лада же, не подозревая о расчётливых мыслях хозяйки «Прудков», осторожно пробовала кушанье. Варёво было чем-то вроде тушёных овощей с дымком и незнакомыми приправами, не слишком вкусное, но сосущая боль в животе быстро исчезла, а это было главным. И сил придало.

Дорога назад, без крепкой руки провожавшего её мальчика, на которую можно было опереться, заняла намного больше времени и когда она достигла порога своего нового жилища, синие тени подчеркнули неровности стен домов и неповторимые изгибы крыш. Лада даже засомневалась, что пришла по правильному адресу, но дверь в комнату открылась без промедления, чего не сделала бы перед чужим, не представленным ей как хозяин, человеком. Да, точно, вот и вмятина на постели, на том месте, где она перед выходом сидела и Ладу прямо-таки тянуло её обновить, но нет, распускаться настолько, чтобы лечь спать не умывшись, она себе не позволит. Странно, сама комнатка была крохотной, а вот ванная, прилагавшаяся к ней, была достаточно просторной, чтобы вместить небольшой бассейн, в любое время наполненный прохладной, чуть пузырящейся водой. Искупаться? Нет, только умыться, на что-то более масштабное у неё элементарно сил не хватит.

Лада со вздохом облегчения уселась на койку, настолько узкую, что человек более серьёзной комплекции на ней просто не поместился бы. Скинула домашние тапочки без задни-

ков, с честью перенесшие долгую дорогу по неровной булыжной мостовой, сняла и аккуратно сложила джемпер и брюки и заснула, кажется даже раньше, чем коснулась головой подушки.

Спала она, как ни странно, крепко. И всю ночь видела во сне, как ползёт по речному дну, как медленно поднимаются облака речного ила и как тяжёлые холодные воды относят их назад. А она продолжает ползти по речному дну.

После такого странного и тягучего сна ей следовало проснуться разбитой, но нет, раскрыв поутру глаза Лада ощутила такую бодрость и прилив сил, каких не чувствовала уже очень давно. Но рывком сев на постели она внезапно очень ясно и чётко вспомнила все события прошедшего дня. Сердце защемило от тоски по оставшимся дома родным, да и по самому миру, удобному, привычному и родному. Тут же вспомнились обещания того странного человека, который говорил о жизни чуть ли не вечной. А нужна ли она ей, такая вечность, когда жить придётся едва ползающей старухой? Почему-то стало очень обидно. И почему это не случилось с ней, когда ей было хотя бы пятьдесят? Она тогда как раз только-только потеряла мужа и на тот момент точно не отказалась бы начать какую-нибудь новую жизнь. Вспомнив о нём, Лада машинально принялась крутить на пальце тяжёлый мужской перстень, потом, как делала не раз, посмотрела на свет через прозрачный янтарь и поискала глазами навечно застывшее в окаменевшей смоле насекомое. А нет его.

Она ещё раз, внимательнее, осмотрела янтарь – действительно нет. Странно, всё остальное ничуть не изменилось: на месте едва заметные кофейные пятна, что не отстирались с её любимых домашних брюк – они появились, когда свежеприобретенная кофеварка вдруг решила взбрыкнуть и принялась фырчать и плевать кофейными брызгами; точно так же, как и раньше были стёрты подошвы её тапочек: на прежнем месте оказалась заштопанная дырка в джемпере – его ремонтом занималась внучка, а она не великая рукодельница и шов получился чуть кривоватый. Всё было ровно таким, каким она его помнила, а вот кольцо почему-то изменилось.

Это небольшое и в сущности незначительное происшествие сбilo её с настроения на тщательный анализ всего случившегося с ней за последние сутки и, возможно, спасло рассудок.

Многолетняя привычка заставлять себя вставать по утрам и начинать что-то делать и сейчас подняла её с постели. А как бы иначе она дожила до своих ста шести? А после нехитрых утренних процедур, когда Лада поняла, что в помещении ей заняться совершенно нечем, она вывела себя на улицу. И раз уж всё равно вышла гулять, то почему бы не пройтись до своей так называемой работы?

Сегодня этот город (как его там звали местные жители? Циунель?) показался ещё более странным и необычным. Ни одной ровной линии, все дорожки изгибаются, крыши поднимаются горбами, углы скруглены, а стены выглядят так,

словно над ними поработала бригада таджикских штукатурщиков, впервые в жизни взявшая в руки инструмент. Словно бы этот город спроектировал и построил поклонник и последователь Гауди, впрочем, не столь талантливый как его кумир. Зато если приглядеться, и камни, и даже растения, и рыбы в мелких прудах все светятся мягким потусторонним светом. Или же переливаются текучей, глубоко запрятанной тьмой, но тоже очень красиво. Лада часто останавливалась, отдыхала и заодно вглядывалась в этот подаренный ей мир, и с каждым шагом он нравился ей всё больше и больше.

Езда на автотранспорте не даёт прочувствовать расстояние – это она знала и раньше, но даже не представляла, насколько далеко находится её новая работа от её нынешнего жилья. Если бы не тот добрый человек, что подвёз её практически к порогу, добралась бы до постели она не иначе как только к ночи. По крайней мере, сегодня она дошла до ратуши с таким значительным опозданием, что его даже у самого лояльного начальства «задержкой» назвать его язык не повернулся бы. Лада была готова к тому, что на её голову обрушатся громы и молнии, и к короткой неприязненной отповеди была готова тоже. Но ничего подобного, никто не обратил на неё внимания, пока она по коридорам пробиралась к своему кабинету, и у входа в него Ладу никто не поджидал. Весь день, пока разбирала папки, по мере приближения к основанию завала становившимися всё более пыльными, она ждала, что хоть кто-то заглянет к ней, высказать своё «фе»

демонстративному попранию трудовой дисциплины. И даже на обед никуда не вышла – от волнения желудок скрутило в такой узел, что она не рискнула в него что-то положить.

В конце рабочего дня клерк, выдававший зарплату, пробурчал, что не стоило бы ей таскаться к нему каждый день, а получать один раз за какой-нибудь более-менее продолжительный период времени. Так всем и проще и удобней. Да и мелочи так на вас не напасёшься.

Мелочи, Лада специально остановилась пересчитать, было ровно столько, сколько и вчера. И вообще у неё создалось впечатление, что никого особенно не волнует, была ли она на работе и занималась ли там хоть чем-то полезным.

Да и ладно. Зато теперь можно спокойно пройтись по городу, поужинать в «Прудках» или в какой ещё забегаловке и может быть даже зайти в одёжную лавку. Действительно, привлекать к себе внимание необычностью одежд имеет смысл, когда ты молодая красotka, а не чуть таскающая ноги старуха.

Покупать дешёвку ей претило. В своей прежней жизни, даже в те времена, когда с деньгами было довольно туго, она предпочитала иметь всего два-три комплекта вещей в своём гардеробе, но хороших, качественных, чем кучу одноразового барахла. Но обстоятельства вынуждали. Её иноземный наряд, в купе с непривычной внешностью, никого, даже отдалённо похожего на себя Лада так и не заметила, привлекали к себе слишком много не всегда доброжелательного

внимания. И, кстати, ни одного старика или старухи, тут ей очень отчётливо вспоминались слова того странного человека, который первым встретил её в этом мире, об отсутствии ограничений на длительность существования – ах, сколько вопросов, которые нужно было бы ему задать у неё возникло! Но, возвращаясь к предыдущему вопросу, если с внешностью своей она ничего не могла сделать, то одежда поддавалась коррекции.

Лавок, торговавших обувью и одеждой (их тут почему-то не делили, относили к одной категории товаров), на пути её следования от работы к дому встречалось немало. Как, собственно и иных магазинчиков, чем только не торговавших. Лада не утруждая себя проблемой выбора, зашла в первый попавшийся.

Мелодично зазвенели стеклянные трубочки песни ветра – кто-то откинул кисею от входного проёма, запирать двери в торговое время в Циунеле было не принято. Почтеннейший Теро Варо Ях высунул нос из подсобного помещения, окинул быстрым оценивающим взглядом, скривился пренебрежительно. Но клиент есть клиент, и он кивнул одной из младших родственниц, недавно выписанных из провинции в помощь семейному делу.

— Что пожелает прекрасная госпожа? – в торговый зал впорхнула девчушка, едва получившая право на третье собственное имя. Подняла взгляд на посетительницу, ощутила мгновенный ступор, потом решила: ай, ладно, лишний ком-

плимент никогда не бывает лишним, даже если он совершенно незаслуженный.

— Кхе, — хрипло каркнула-усмехнулась посетительница. — Милая девушка, давайте обойдёмся без этого? Лучше помогите подобрать что-нибудь из местной одежды на имеющиеся у меня деньги.

И Лада предъявила две булавки денег — одну полную, другую уже початую.

— Так этого же совсем мало! — ахнула девушка и окинула ищущим взглядом весь, ассортимент выставленных на полки товаров.

— Тогда давайте посмотрим, на что всё-таки может хватить, — настойчиво предложила Лада.

— Точно не на одежду, — категорически заявила продавщица. — И, если вас это не слишком расстроит, могу посоветовать в лавку готового платья не обращаться, на вашу фигуру платье нужно шить на заказ и точно по мерке. Нижнюю рубашку ещё можно подобрать, а вот платье точно нет.

— Зачем мне нижняя рубашка, которую без платья я всё равно не смогу носить? — задала Лада почти риторический вопрос. — Какие ещё будут предложения?

— Обувь?

Девушка пробежалась вдоль полок, остановилась напротив той, где стояли туфельки на высоких вычурных каблучках, оглянулась на Ладу — та отрицательно покачала головой. Пожалуй, она бы даже в молодые годы не рискнула бы в та-

ких по неровной брусчатке пройтись. Посомневавшись над другим стеллажом, девушка всё же сняла с полки пару обуви и понесла её на оценку странноватой покупательнице.

— Вот.

Поданные молоденькой продавщицей башмачки больше напоминали детские игрушки – кораблики, чем нормальную обувь: днище, палуба, задранный кверху нос, вот разве что мачты с парусами не хватает. Но стоило только чуть крепче сжать их в руке, как по «палубе» прошла трещина, от пятки до, почти, носка. С некоторым сомнением Лада всё же попробовала примерить их на собственную ногу. Башмачки весьма плотно обхватили пятку, после чего раскрывались, показывая стопу чуть не до самых пальцев. Эх, к таким бы башмачкам да хорошенькие ножки! Но чего нет, того нет. Шаг, другой – мяконькие, как будто по облаку ступаешь, и держатся на ноге хорошо.

— Беру, — решительно произнесла Лада. Потом внезапно смутившись, добавила: — Я имею в виду, что если у меня денег хватит.

— Хватит, — радостно улыбнулась девушка, весьма довольная собой, тем, что помогла клиентке сделать правильный выбор. — Я бы не показывала то, что вам не по средствам.

Потом они долго вместе считали монетки – Ладе хотелось разобраться с местной денежной системой, а у продавщицы всё равно не было иных клиентов, упаковывали Ладины тапочки в которых она попала в этот мир и девушка проявила

некоторый интерес к их странной конструкции. Потом Лада вышла на улицу и какое же это было наслаждение — идти, тот, кто не пробовал ходить по булыжной мостовой в обуви без задников, не поймёт. Господи, и как это она ухитрялась целых два дня добираться на работу, да ещё так далеко?!

Новая мысль заставила её застыть на месте как громом поражённую. А потом и отойти в сторонку, сесть на парапет очередного пруда, где обитают глазастые рыбы, задуматься. Как же это так? Дома она почти каждый день заставляла себя выходить на улицу, исключая разве что время гололёда — это был бы совсем уж неоправданный риск. В магазин за продуктами, в чайную, в кондитерскую, в парк, но это уже подальше, это при особенно хорошем самочувствии. И на каждый такой выход нужно было настроиться, собраться с силами, подготовиться как к длительной экспедиции. А здесь? Нет, она не стала чувствовать себя лучше, она по-прежнему ощущала себя очень старой, очень хрупкой и почти бессильной. Но сделать, да вот хотя бы даже пройти, у неё получалось гораздо больше. Как это понимать? И стоит ли пытаться понять вообще или достаточно принимать с благодарностью?

Нет-нет, гнать от себя все эти сложные вопросы, гнать мокрой тряпкой, от них начинает кружиться голова и ныть сердце прямо как тогда, перед тем, как она умерла. И не стоит ли сосредоточиться на чём-нибудь простом, например на новых туфлях — отраде сердца любой женщины, сколько бы ни было ей лет, или предстоящем ужине, на который у неё

даже деньги есть. Правда монетка осталась самая мелкая и потёртая, но, будем надеяться, её на что-нибудь да хватит.

Нельзя сказать, что ноги сами понесли её в сторону знакомого трактира – брела Лада очень медленно и не потому что никуда не спешила – быстрее просто не получалось. И оставалось только благодарить небо за то, что пусть тело её и подводит, зато память остра, а ум подвижен. И вот уже приметное дерево, выросшее ровно на углу домика, сложенного из синеватых кирпичей, а невдалеке поднимается над крышами дымок от открытого очага «Прудков». Уже почти добралась.

Трактирщица, увидев сегодняшний её заработок, одарила Ладу сочувственным взглядом, что-то про себя прикинула и выставила перед ней плошку с жидкостью, пахнувшей почемужу-то малиновым чаем и высокий стакан, в котором стояла охапка коротких толстеньких палочек.

— Спасибо, — поблагодарила Лада. Трактирщица в ответ кивнула и обратилась к следующему посетителю.

По одной, чтобы не рассыпать не расплескать Лада перенесла плошки за тот же столик у очага, который занимала и вчера. Никаких столовых приборов к этому кушанью не полагалось и она, украдкой глянув как едят это блюдо остальные посетители, принялась обмакивать палочки в тепловатую жидкость и обкусывать. Ничего. Очень похоже было на сухие хлебцы, по крайней мере мучной привкус ощущался отчётливо, а кисловато-терпкий оттенок поданного к ним со-

уса весьма гармонично дополнял кушанье. А, главное, в желудок укладывался тёплой сытной тяжестью и больше, кажется, от этого ужина ничего и не требовалось.

Сложно переоценить удобства собственного мира, где ты почётная пенсионерка, живёшь в собственной квартире, а с доставкой продуктов к дому тебе помогают внуки и можно вообще существовать, не выходя за порог дом. Можно было бы, если б таков был её выбор. Зато собственный день она организовывала себе сама и если вдруг после обеда её одолевала усталость, ничто не мешало задремать прямо в кресле, если нет желания подняться и добрести до кровати. А как быть здесь, если сонливость на неё накатила прямо за столиком в Прудках? Нет-нет, не засыпать ни в коем случае, наоборот, ущипнуть себя побольнее и вставать, идти, пока немощный организм не предал тебя окончательно.

Вроде бы и близко расположены Прудки, ближе уж точно ничего нет, а чувствовала себя она примерно так, как в школьные годы, когда на физкультуре сдаёшь кросс и страшно даже глаза поднять, чтобы увидеть, что финиш всё ещё очень и очень далеко. С чего бы то её посетили ассоциации из совсем уж далёкого детства? Наверное, потому, что с тех самых пор не приходилось совершать столь значительные физические усилия.

Вот уже и дом, и высокий бордюр, тянувшийся вдоль всего фасада дома и частично загибавшийся-выступавший за его края, отграничивая территорию двора от улицы, на кото-

рый можно присесть, перевести дух перед финальным рывком. Неожиданно рядом с ней плюхнулась увесистая сумка.

— А ты в курсе, что тренироваться в создании магоформ за пределами храмового комплекса строго-настрого запрещено?

Это был давешний парнишка, тот самый, что провожал её в «Прудки», Ёжи, сын домохозяйки тётушки Ёси. Он был бодр, весел и явно не прочь поболтать всё равно о чём, всё равно с кем.

— Я просто устала и присела отдохнуть, — она открыла глаза, которые оказывается уже успела закрыть, и подняла на мальчика прозрачный взгляд. — Очень далеко с работы и на работу ходить.

— Оу, а было похоже что ты в транс вошла. А если так далеко ходить, почему не едешь?

— А на чём? Где-то заплутала моя золотая карета с бархатными подушечками, — сказала она настолько иронично, что проняло даже незнакомого с земными сказками Ёжи. Кстати, ни рыцарь, не белый конь ей в голову даже не пришли — на что они ей в её почтенном возрасте, иное дело мяконькая подушка.

— А, ну точно, ты же здесь совсем недавно, а по другим анклавам барбаретты не ездят, вполне можешь и не знать.

— И не знаю, — кивнула она столь решительно, что взметнулся даже пух седых волос.

— Ездят здесь по городу такие повозки, одна к одной при-

цепленные, останавливаются перед каждым, кто имеет желание подъехать — как именно они это понимают, я пока не знаю, это вообще на каких-то запредельных ступенях изучают. Так вот, останавливается, заходишь, монетку, одну или несколько нанизываешь на копилку и вслух, отчётливо называешь место, в которое хочешь прибыть, садишься и ждёшь пока приедешь.

— А как определить, сколько надо заплатить?

— А никак. Любой, самой мелкой монетки будет совершенно достаточно, фишка состоит в том, что чем больше заплатишь, тем скорее тебя довезут — а так и на соседнюю улицу можно пол дня добираться. В зависимости от того, кто сколько из пассажиров заплатил и текущего местоположения барбаретты выбираются самые оптимальные маршруты. Говорю же, управление настолько запредельно сложное, что я не уверен, подступлюсь ли когда-нибудь к настолько высоким ступеням искусства.

Ёжи увлёкся, покраснелся, принялся жестикулировать широко и свободно — не часто его слушали так внимательно и не перебивали. У него были такие же как у всех местных жителей глаза, тонкими стрелками к от зрачка до уголков глаза поделенные на верхнюю и нижнюю часть и маленькие рожки, еле-еле заметные в пышной копне светлых волос, а вот кожа белая, матовая, без расписных узоров более тёмных оттенков, какие были у большинства циунельцев.

— И чего ты так внимательно меня разглядываешь?! —

спросил он чуть ли не с вызовом, когда заметил её не слишком вежливое рассматривание.

— Извини, — миролюбиво отозвалась Лада и похлопала его по руке. — Мне просто интересно. Ты внешне немного отличаешься от прочих, кого я встречала на улице.

— Мои предки с окраин Галлобара, а мы там немного отличаемся от жителей ядра. Здесь и сейчас живём мы с мамой и тётушка. А вот хозяйка «Прудков», помнишь её? — Лада кивнула, помнит, только вот в трактире было темновато и дымновато, не сильно там кого рассмотришь. — Она вообще всего пару лет как в Циунель перебралась и тоже с какой-то дальней окраины, чуть ли не с Берегового Океана.

Лада только головой покачала — прибыв сюда, она восприняла этот мир как нечто цельное и однородное, а здесь, оказывается, есть социальное расслоение, эмигранты, ещё, небось, и какие-нибудь беженцы вдруг обнаружатся. Сложно, а ей почему-то хотелось простоты. Может, просто от усталости?

Третий день в этом мире оказался здорово похож на второй: она по-прежнему приводила в порядок хранящиеся в выделенном ей кабинете архивы, иногда вникая в содержащиеся в папках дела и внося поправки тонкими карандашными линиями. Разве что во второй половине дня какой-то клерк, посыльный, что ли, добавил свеженьких бумаг к имеющемуся у неё богатству. Да когда она полезла проверять

стоящую на окне ветку, обнаружила, что вода, налитая в стакан, преобразилась и теперь больше напоминала твёрдую стеклянистую массу, чем обыкновенную жидкость, которой была ещё недавно. Она погубила растение? Пожав плечами, Лада поставила стакан на место.

Зато, когда разгребала бумажные завалы, обнаружила толстенный справочник, на обложке которого значилось: «Правила сопряжения» и в котором были описаны словесно и снабжены красочными схемами все те геометрические схемы, которые она рассматривала оба предыдущих дня и правки в которые вносила. Удивительно, но факт: всё что она делала, подчинялась определённым законам неизвестной в её мире науки. Не то, чтобы Лада в этом сильно сомневалась: содержание папок было ей интуитивно понятно, но она себя слишком давно и хорошо знала, чтобы ожидать подобной гениальности от своей интуиции. А значит, они каким-то образом попали в её голову. Каким? Вопрос без ответа, который и задать-то некому. Предостережение о том, чтобы не заговорила ни с кем разговоров о себе, засело в её памяти накрепко, а как задать вопрос, без объяснений как так получилось, что она ничего не знает и ничего не понимает, Лада не представляла.

Навещала ли её ностальгия по прежнему своему миру? А как же! Дня не проходило, чтобы она его не вспоминала и не сравнивала, и сравнение оказывалось, как правило, не в

пользу её нового местообитания. Не потому что этот, новый мир был плох, но он был непонятен и непривычен, как новые туфли, которые трут и жмут до тех пор, пока их не разносишь.

Хотелось чего-нибудь знакомого и привычного, да хотя бы вида за окном. Нормальной человеческой улицы, человеческого же города, без вот этих прихотливо изогнутых стен домов и непредсказуемо изгибающихся дорожек. Природы хотелось, зелени. Здесь же из всего разнообразия животного мира были только молчаливые рыбы в прудах, а из растительного исключительно ошты – низкорослые деревья с серебристыми листьями и мощными, выпирающими из земли, завязавшимися в узлы корнями. Даже насекомых нет. И птицы она до сих пор ни одной не видела.

Очень не хватало нормальной еды. Борща, чёрного хлеба, молока и коньяка, который она добавляла по пять капель в чай в качестве естественного сосудорасширяющего. И даже вода на вкус была здесь какая-то другая, не такая как дома, невкусная.

А люди? Люди везде люди, даже если у них имеются рожки и естественная роспись по всем открытым участкам тела. Но вот обычаи их, в которых невозможно разобраться и никто ничего не хочет пояснять, кроме одного очень милого мальчика, досаждали довольно часто.

Хотелось ли ей вернуться назад? Ни на мгновение. ТА её жизнь закончилась окончательно и бесповоротно, смертью,

как и полагается по законам природы. Всё. Вычеркнули её из той системы бытия. И хорошо ещё, что теперь у неё есть ЭТА жизнь. При мысли об этом Ладу оставляла меланхолия, а трудности переставали казаться такими уж непреодолимыми.

ГЛАВА 3. В которой Лада посещает аптеку и швейную мастерскую, а так же удостоивается визита дознавателей и своего непосредственного начальника.

Закончилась неделя. По правде говоря, те отрезки, на которые делили своё время галлы, включали по дюжине дней, из которых три приходились на выходные. Но ей проще было называть их по старинке, неделями. Или это просто самое близкое понятие, которое оказалось в её родном языке? Не важно. Главное, наступало страшное время – свободные дни, которые Ладе было совершенно нечем занять. И было их целых три. Почему страшное? Потому, что движение – это жизнь, а служба заставляла её именно что двигаться, и в физическом и в интеллектуальном плане. И потому, что кроме этой самой службы у неё ничего и никого в этом мире не было: ни родственников, ни друзей, да и просто со знакомыми не густо, ни дел особенных, ни увлечений.

Так чем же занять освободившиеся три дня? Занятия придётся придумывать самой.

Пойти в «Прудки» не только на ужин, но и пообедать там

же? А то она уже стала привыкать питаться один раз в день, что не очень правильно. Позволить себе долгую прогулку вдоль берега пруда? Пожалуй, это хорошая идея, но воплощение её стоит отложить на вечер.

Нет, у неё же есть ещё и житейские заботы, на воплощение которых к концу рабочего дня обычно не оставалось сил. Пройтись по магазинам? Но денег у Лады не слишком много, а мелочёвку, без которой было сложно обойтись, вроде расчёски и набора столовых приборов, она уже успела приобрести. Нет, нужно что-нибудь масштабное, например, пошив одежды. Сколько-то жалованья у неё уже скопилось, на что-то его да хватит. И пусть бы вещи были недорогие, лишь бы приличные и соответствующие местной моде. Это не слишком приятно: жить, привлекая чужое недоброе внимание своим внешним видом.

И, если уж окончательно себе признаться, снашивать вещи, единственную оставшуюся у неё материальную память о родном мире, было жалко.

К кому обратиться с этой проблемой? Нет-нет, в лавку готового платья она не пойдёт, та милая девушка, которая помогла подобрать ей башмачки, весьма доходчиво пояснила, что на её, мягко говоря, нестандартную фигуру, шить нужно исключительно на заказ. Да и то, правда, верхняя одежда, длинная, достающая до носков ботинок, в верхней своей части очень плотно облегала фигуру. Такую в магазине можно покупать, только если у твоего тела идеальные пропорции. И

не то, чтобы Ладе хотелось подчеркнуть согнутую временем спину, свободный джемпер в подобном случае подходил более чем, и в плане удобства и эстетически, но выбор-то какой? Здесь такого не носили. Даже на приезжих из других анклавов она не видела ничего подобного.

— Какие-то проблемы, уважаемая?

Оказывается, она уже некоторое время стоит на лестнице, смотрит в жемчужно-серое небо и загораживает собой вход. А тут тётушка Ёси, с объёмистой корзинкой, накрытой цветастым сукном, войти желает. Лада посторонилась, но почтенная домоправительница не поспешила пройти мимо и даже вопросительного взгляда от её лица не отвела. Значит, по-настоящему спрашивает?

— Это не проблемы, это небольшие жизненные затруднения. Но может быть вы знаете, где можно недорого пошить местную одежду?

— Лхес или ахон? – она пробежала взглядом по фигуре Лады и сделала очевидный вывод: — Или, скорее, не помешает и то, и другое?

— Не помешает, — согласилась Лада.

— А к негильдейской швее обратиться не побрезгуете?

— Почему это я должна кем-то пренебрегать? – притворно удивилась Лада.

Что местное общество делится на гильдии по профессиям и прочим разным совпадающим интересам, она уже узнала. И то, что в гильдии принимают далеко не всех и приезжих с

крайней неохотой – тоже. И к тем, кто не входит ни в одну гильдию относятся с заметным пренебрежением, часто смешанным с жалостью, тоже успела заметить. Саму себя она ни к одной из здешних прослоек общества не относила, хотя с точки зрения коренного жителя была эмигранткой из такой забубенной дали, что о ней никто и не слышал. Только работа на муниципалитет и спасала, придавала её какой-то приемлемый статус. В глазах окружающих.

Они прошли вглубь дома, пересекли какие-то хозяйственные помещения, о существовании которых Лада раньше и не подозревала, спустились вниз, на уровень полуподвала и вошли в прикрытый драпировками проём. Лада никогда не причисляла себя к особо проницательным людям, но то, что мастерица находится здесь на птичьих правах, поняла сразу. А как не понять, если в так называемой студии нет ничего основательного и постоянного, такого, что невозможно было в случае какой необходимости сложить в коробки, и даже напоминания не останется о том, что кто-то здесь обитал.

— Вот, клиентку привела, — громко сказала тётушка Ёси.

Откуда-то из угла, где она была совершенно незаметна, появилась ещё одна женщина – почти такого же небольшого роста как и Лада, субтильная, с поникшей и примятой гривой, так что рожки, обычно прячущиеся в её густоте, стали хорошо видны, бледненькая, но с необычайно яркими, широко раскрытыми глазами.

— Клиентка – это хорошо. Я – Унго Ошшо Итай и я шью

очень хорошую одежду.

— Меня зовут Лада и хорошая одежда – как раз то, что мне необходимо, — улыбнулась Лада.

— Моя помощь ещё нужна? – тётушка Ёси вопросительно склонила голову.

— Сами разберёмся, сами, — аэри Ошшо мелко и часто закивала.

— Тогда я пойду, дел ещё много, — и тётушка Ёси, поставив у стены свою объёмистую корзину, к ещё несколькими таким же, скрылась за драпировками.

— Значит одежда, — мастерица взяла Ладу за обе руки и вывела в центр помещения, в пятно яркого света, падавшего из окна. Обошла её кругом, придирчиво разглядывая и что-то бормоча себе под нос, что-то очень напоминающее: «Напрасная работа будет». Потом вынесла вердикт: — Быстро я не сделаю. Могу, но не буду. Сначала займусь подбором ткани и фасона, тебе же ведь нужно что-нибудь подходящее на все случаи жизни, немаркое и, желательно, немнущееся. Правильно?

— Верно, — Лада согласно кивнула и всё-таки не утерпела, хотя и была вероятность нарваться на неприятный ответ: — А почему всё-таки: «напрасная работа»?

Но Ошшо только взглянула на неё и в её глазах, как в зеркале отразилась маленькая скрюченная старческая фигурка Лады и проронила:

— Через неделю, когда придёшь ткани смотреть, сама всё

поймёшь. Тогда же и со стоимостью заказа определимся.

Неделя? Ну что ж, неделя так неделя, ей собственно говоря, не к спеху, лишь бы то, что Лада прямо сейчас носит, не истрепалось окончательно. И ничто не помешает ей за это время пробежаться по лавочкам, узнать мнение других мастериц.

На следующий день дел, даже надуманных у Лады не осталось. Господи, и чем же она заполняла свою жизнь на родине, что свободного времени у неё практически не оставалось? Хлопоты по хозяйству? Так вот хозяйства-то у неё как раз теперь и нет. И комната самоочищаемая и обедать она ходит в общественное место – никакой возни с продуктами и посудой. Удобно? А как же! Только вот чего-то привычного в её жизни стало не хватать. Но это же не повод запереться в четырёх стенах и сидеть! На улицу и гулять, нет дел, так хотя бы просто измерить шагами улицы этого города. Вывески почитать. В конце концов, надо же ей знать, где что находится, если вдруг что-то понадобится.

Нет, она и раньше, не ходила по улицам с закрытыми глазами, но только теперь решилась заглянуть, узнать, что же скрывается за этими загадочными названиями. К примеру, «Амулеты для вашего дома» (ну и странно же адаптирует её сознание местные названия к привычному языку!) оказались магазином мелкой бытовой техники, а в «Путеводных огнях» торговали медальонами на цепочках, которые, яко-

бы, должны были помочь попасть в другие анклавy.

Или вот, к примеру кованая, ажурная и очень солидная вывеска: «Эликсиры и снадобья» и если она что-то в чём-то понимает, это должна быть аптека. А кстати, пусть дома Лада и предпочитала поправлять здоровье чаем с коньяком, но пухленькая аптечка с набором лекарств на всякий случай у неё дома была. И пару раз очень выручала. И чем принято лечиться в мире бессмертных? Или они тут не болеют, а эликсиры и снадобья тут исключительно для химических опытов?

Нет, всё-таки лекарства. Это сразу стало ясно после того, как Лада толкнула тяжёлую дверь и вошла с пропахшее сухими травами помещение. Нет, на современные ей аптеки, с их белизной и стерильностью эта не походила ничуть. Тяжёлые деревянные полки, уходящие под потолок, разномастные склянки с подписанными вручную этикетками, маленькие хорошенькие коробочки. И хозяйка всего этого богатства, вышедшая на звук открывшейся двери – прямая и строгая как генерал.

— Вы что-то хотели? – она чуть приметно склонила голову на бок.

— Ничего конкретного, — Лада даже отступила на шаг назад. Потом задумалась, как же объяснить свой запрос, если концепция старости здесь неизвестна, а набирать всего подряд, на всякий случай, а вдруг чего заболит, как-то глупо. — Может быть вы порекомендуете что-нибудь общеукрепляю-

щее?

Ирая из гильдии Сплетающих Основы окинула взглядом клиентку. Посетившая её женщина, баргайка, судя по виду, выглядела так, словно бы только-только начала оправляться после тяжёлого проклятия.

— Как давно вы посещали мастера из Сплетающих Основы?

— Доктора? – в ответ на её вопрос аптекарша кивнула. – Не в этой жизни, — покачала головой Лада и ответ её был пугающе близок к истине.

— Тогда я не рискну вам предлагать что-то сильнодействующее, может быть только если... — она прошлась вдоль полок, ловким, годами отработанным движением выхватила с них один фиал и два мешочка с травами. – Это будет состав для балансировки внутренних энергий. Ничего в ваш организм не добавит, но то, что есть распределит более рационально.

— Это интересно, — кивнула Лада, следуя за нею. На бирках с уже готовыми лекарствами, на которые она украдкой скосила взгляд, вместо привычных по старому миру многосложных названий значилось: «от кашля», «от колик в животе», «от боли в горле». Просто и понятно. Другие, как раз из тех, что сняла с полок хозяйка лавки, были не подписаны вовсе – видимо та и так знала, где что находится.

— Мне не жалко соорудить и что-нибудь посложнее, — пустилась в объяснения Ирая, не услышавшая в голосе кли-

ентки энтузиазма, — но у пришельцев из далёких анклавов могут быть особенности организма, которые при составлении зелий очень сложно учитывать.

— И которые могут дать незапланированные побочные эффекты, — согласилась Лада. — Я понимаю это.

— Откуда бы? — Иррая подняла голову и взглянула на клиентку, которая с зачарованным (и очарованным!) видом оглядывала её богатства. — Обычно страждущие не горят желанием вникать в наши внутригильдейские трудности.

— Да? А мне казалось, это общеизвестно.

— Не секретно — так было бы сказать правильно.

Ловкие пальцы аптекарши перебирали и переминали цветки из одного мешочка, добавляли измельчённых сушёных листьев из другого и в завершении по горке растительной трухи растеклась тяжёлая, золотистая капля масла из фиала. Две мерки тяжёлой воды, пол мерки лёгкой и ещё половина дождевой, теперь поставить на медленный огонь до появления у настоя цвета.

— Это полагается пить прямо здесь? — Лада с любопытством взглянула в прозрачный сосуд.

— Конечно! Разумеется! Как же иначе?! — удивилась и почти оскорбилась Иррая.

— С собой взять?

— А как же вы убедитесь в действенности зелья? А если я неумеха или вдруг отравить решила из личной неприязни или гильдейской вражды? Или вдруг я баргайененавистница

и таким образом уменьшаю численность переселенцев? Нет-нет, у меня всё честно! — И она строго покачала головой.

Ладе хотелось сделать тоже самое, только по отношению к обычаям этого мира, но она сдержалась.

— Раньше, дома, у меня была специальная коробочка с лекарствами, где лежали средства от разных хворей: сердце там прихватит или горло вдруг заболит.

— Это такой посыл в будущее? Способ приманить болезни? И как, действенный?

Ладе достался острый и любопытный взгляд.

— Да когда как, — неопределённо ответила она. — Но случается уже заболел, а за доктором бежать как-то не с руки, нужно чтобы всегда что-то было.

— Мы всегда рядом, — категорично заявила Иррая. — В нашей гильдии с этим строго, нам, кроме клиентов, приходящих с улицы, ещё и сам город приплачивает.

И была эта повинность не всегда лёгкой, чаще всего как раз наоборот, ибо редко когда кто-то из жителей прихворавет настолько, что не сможет добраться до аптечной лавки, обычно зов настигал их из мест, где гильдии выясняли отношения. И чаще всего там не оставалось тех, кому ещё можно было помочь. Вот и в последний раз, всего несколько дней назад, когда произошла стычка между Дорожниками, на брусчатке осталось всего одно тело, облачённое в роскошный лхес, не окончательно мёртвое, однако разума в нём наблюдалось поменьше, чем в некоторых растениях. Это же

чем нужно было так мозги выжечь?! Забрали, отвезли в одну из резиденций гильдии к ещё двум дюжинам таких же потерпевших – если человек ещё не окончательно мёртв, ему нужно дать шанс на самовосстановление. Этих принципов придерживалась гильдия Сплетающих Основы ещё до того, как после окончания эпохи циклических войн был принят соответствующий закон.

Новую клиентку, которая точно не знала, как здесь принято себя вести, пришлось самой провожать в зал успокоения с высокими окнами и видом на старые ошты, которые почти загораживали водную гладь пруда, и усаживать в мягкое кресло. Сама же пристроила у неё на коленях маленький столик с толстостенной стеклянной чашкой и целебным зельем, и тихонько удалившись, сама себе пообещала заглянуть через пару минут, проверить.

Она была смешная и странная, как почти все выходцы из дальних мест, некрасивая, ну да какой красоты можно ожидать от человека, который давно и тяжело болеет, и спросить бы, что за проклятие она такое поймала, да ведь не расскажет. Клиенты подобную информацию хранят как одну из своих интимнейших тайн, то ли не понимая, что это сильно затрудняет процесс излечения, то ли сознательно пренебрегая этим фактом.

Лада открыла глаза – кажется она в процессе дегустации балансирующего чая (а именно зелёный чай с ложечкой мёда этот напиток больше всего и напоминал) она немножко

задремала. Совсем чуть-чуть, буквально на пару секунд закрыла глаза. Зато в теле поселилась звенящая лёгкость, когда кажется оттолкнись от земли чуть сильнее и взлетишь. И уже выходя за порог «Эликсиров и снадобий» она прикидывала, как часто сможет позволить себе подобное удовольствие, всё-таки пять монет, которые чуть смущаясь, запросила с неё аптекарша (травы сейчас дороги, да и достать их бывает непросто), при её доходах сумма весьма значительная.

Но неприкаянность, так одолевавшая её утром, отступила надолго, а может быть и навсегда: этот мир слишком велик и чуден, даже тот небольшой кусочек, который доступен её непосредственному обозрению, чтобы появилось место для скуки.

Понедельник – день тяжёлый? Ещё какой! И это правило срабатывает вне зависимости от того, в каком мире вы находитесь, и поэтому нет ничего удивительного в том, что именно в первый день рабочей недели её посетили представители правопорядка. Высокая статная дама, у которой естественная роспись на лице проступала очень чёткими линиями, а на ладонях, наоборот, один тон очень плавно перетекал в другой и юноша, совсем молоденький, едва ли намного старше Ёжи. Почему она решила, что это именно представители властных силовых структур? Общее впечатление. Осанка, манеры, да и одеты оба были в нечто строгое и почти

одинаковое по крою, очень напоминающее форму.

— Старший дознаватель Вин Кора Трая, гильдия Ступающих Мягко, — представилась дама.

— Доброго вам дня аэри Кора, — доброжелательно поздоровалась Лада, не столько встревоженная, сколько удивлённая появлением подобных гостей – обычно её рабочие часы посещениями не прерывались. – Чем могу быть вам полезна?

— Да уж можете, — аэри дознавательница чуть приметно расслабилась, словно бы готова была прямо сразу, не сходя с места вступить в поединок, но неожиданно сопротивления ей не оказали. – Мне стало известно, что вы являетесь свидетельницей конфликта гильдией Блуждающих и гильдией Ненашедших?

— Да? А можно подробнее, сама я пока не очень представляю, о чём вы говорите.

— Это было через три дня после остановки главного ветряка, — намекнула аэри Кори.

К тому, что здесь принято измерять время не в абсолютных единицах, а относительно каких-то событий Лада уже почти привыкла. И даже начала находить в этом своеобразную прелесть – из обыкновенного разговора можно узнать столько разнообразных, посторонних, но тем не менее любопытных сведений... Однако, вот беда, она понятия не имела, когда останавливался самый главный Циунельский ветряк.

— Можно, какое-нибудь другое указание на время?

Вин Кора Трая испытала мимолётную досаду, которой не

позволила отразиться на своём лице: в качестве точки отсчёта было принято называть события общественно важные, упоминать факты недавней биографии собеседника считалось невежливым.

— В этот день вы впервые появились на работе.

— В этот день я впервые появилась в Циунеле, — поправила её Лада. — Что ж, тогда я понимаю, о каком конфликте вы говорите, но вряд ли из меня выйдет толковый свидетель. Видела я мало, а запомнила и того меньше.

— Но отвечать вы не отказываетесь?

— Спрашивайте.

— В какой момент противостояния вы появились на улице?

— Не знаю, — просто ответила Лада и поспешила добавить, увидев, как недовольно поджалась губы у дознавательницы. — Я действительно не знаю. Когда я там появилась, драка уже шла и первые жертвы тоже были, но поскольку я тут же поспешила убратся из опасного места...

— Предположим, — аэри Кора в задумчивости прикоснулась к своей нижней губе, собиралась задать следующий вопрос, но тут вмешался её молоденький помощник:

— Но ведь за то время, пока вы шли по улице, приближались к эпицентру конфликта, потом удалялись от него, многое могли расслышать.

Здесь Ладе пришлось ступить на довольно скользкую почву и она несколько промедлила, подбирая слова:

— Видите ли, молодой человек, я ниоткуда никуда не шла, я появилась прямо там.

— А...

— А расспрашивать баргайев, как именно они появляются в анклавах, нам строжайше запрещено, — слегка повысила голос на своего подчинённого аэри дознавательница. — На то имеется служебная инструкция.

Лада благодарно кивнула – узел, как-то неожиданно собравшийся у неё в груди, внезапно распустился. От облегчения у неё даже голова закружилась.

— Ладно, давайте поговорим о том, что вы всё-таки запомнили. Сколько их было?

— Около десятка. Точнее не скажу. Двое к тому времени уже выбыли из драки, но их всё равно ещё оставалось довольно много.

— Мужчины? Женщины?

— Только мужчины.

— Оружие?

— Оружия не видела.

— Значит, его не было, драка шла врукопашную?

— Значит, я его не видела.

— Так, ладно, дальше: что вы можете сказать о пострадавших?

— Один сидел у стены, держался за живот и кажется, ему было очень плохо, но он на тот момент был ещё точно жив. Второй лежал неподвижно и чуть в сторонке.

— Живой?

— Неподвижный. Может быть мёртвый, а может без сознания.

Игра в вопросы и ответы продолжалась ещё долго, однако большого толка не принесла. Только и всего, что Лада вспомнила, что тот, который сидел у стены был темноволос, а халат второго, тогда ещё она воспринимала лхес – местную верхнюю одежду, как халат, был расшит богатыми узорами. А вот про тех, что были на ногах и дрались, ничего конкретного не вспомнилось вообще. И толка с такой свидетельницы?

А вот аэри дознавательница, казалось, результатами опроса была довольна. Иначе с чего бы ей, после длительного и утомительного выяснения малозначащих подробностей так лучиться энтузиазмом? Даже выходила она бодрым шагом, словно бы опрос свидетельницы придал её дальнейшим действиям какой-то дополнительный смысл.

Лада только-только успела заново разложить папки, выбирая из них самую интересную задачку, как в её комнату ввалился возбуждённый и чем-то обеспокоенный мужчина:

— Что им надо было?

— А вы кто такой?

Не то чтобы она собиралась устраивать тайну из цели визита аэри дознавательницы, но пересказывать всё то же самое ещё по одному разу... Нет уж, увольте!

— Ваш непосредственный начальник! – мужчина вскинулся и кажется даже грива его дыбом встала.

— Да? – Лада прищурилась, с ног до головы оглядывая вторженца. Признаться, она почти забыла, как выглядит этот самый её начальник, ибо со дня приёма на работу его не видела, а тот день был слишком напряжённым и насыщенным, чтобы второстепенные встречи запомнились отчётливо. – Вроде бы похож. И что от меня хочет многоуважаемый начальник?

Однако, не смотря на слова, особого почтения в её голосе не чувствовалось. Аэр Мант Додвин Ярх, не жаловавшийся на нечувствительность слуха, но не получивший формального повода для выволочки, обозлился ещё больше.

— Желаю знать причину посещения дознавателей.

— Причина проста: они нуждались в уточнении подробностей одного незначительного события, свидетельницей которому я стала.

— Какого? – требовательно произнёс он.

— Незначительного, — повторила она, давая понять, что ничего сверх того аэр Додвин от неё не услышит.

Тот переступил с ноги на ногу, прошёлся по полуподвальному кабинету и, наконец, вспомнил, какие ещё у него есть претензии к нерадивой служащей:

— Отчёты о проделанной работе почему не сдаёшь? А?

— Когда и куда?

— По окончании разбора каждой жалобы мне на стол. Неужели, за прошедшее время вы не справились ни с одной?! – и он надменно-презрительно сощурился.

Однако предыдущий допрос слишком вымотал Ладу, чтобы у неё оставались силы реагировать на чужое гримасничество.

— К концу дня они у вас будут на столе, — она согласно склонила голову и опустила взгляд в рабочие бумаги.

Аэр Додвин смерил её неприязненным взглядом, пренебрежительно фыркнул и удалился в гораздо более уютные служебные помещения третьего этажа. А Лада, едва только за ним закрылась дверь, подняла голову от бумаг и задумчивым взглядом пробежалась по полкам: где-то здесь у неё было несколько непонятно как попавших сюда полностью оформленных отчёта. Надо бы свои сделать по образцу. И как же хорошо, что в первые же дни работы она здесь всё перебрала и теперь точно знает, где что лежит и теперь не придётся в панике метаться, соображая, как и что делать.

Аэри Вин Кора Трая действительно была необычайно довольна результатами опроса. Это совершенно неважно, что свидетельница почти ничего не запомнила, под воздействием амулета ясной мысли всплывают к поверхности даже впечатления младенческого возраста, если удаётся на них сосредоточиться. Главное, из её показаний удалось совершенно точно установить, что эта женщина там действительно была. А то бывали умельцы, готовые подсунуть следствию воспоминания мохнато-затёртых лет, а то и чистые фантазии. И сеанс прочистки памяти лучше назначить на ближайшее

время.

И ведь не боится! Не боится ни капельки — страх ээри дознавательница чуяла обострённым, прямо-таки звериным чутьём. А ведь гильдии, находясь в обострении клановой вражды не брезговали тем, чтобы убрать случайного свидетеля своих неблагоприятных делишек. Но в данном случае именно мести можно не опасаться: сами сработали не очень чисто, бросили на улице полутруп, да ещё и кровь не везде затереть успели.

Жизнь потихоньку налаживалась.

Лада потихоньку привыкала к новому миру и узнавала, по каким правилам тут всё устроено.

Она, наконец, осознала, насколько велик город: тот корпус муниципалитета, в котором она служила, находился отнюдь не в центре, а ближе к окраине. А для того, чтобы пересечь Циунель пешком из конца в конец, потребовался бы не один день.

Что для мытья здесь не используют ни мыла, ни шампуней, вполне достаточно пузырящейся в бассейне воды. Это ей объяснила добрейшая домохозяйка тётушка Ёси.

Что для официального приветствия нужно сложить руки в районе живота, спрятав кисти в рукава лхеса и поклониться — очень по-восточному получалось. А с хорошими знакомыми можно ограничиться и одним кивком.

Она по-прежнему каждый вечер ходила ужинать в «Пруд-

ки», а иногда и на обед следующего дня там себе что-нибудь прихватывала. Нет, Лада не была одной из тех современных деловых женщин, которые на кухне были способны только на то, чтобы разогреть в микроволновые кусок готовой пиццы да залить кипятком чайный пакетик. По молодости, когда у неё была семья, которую нужно было кормить, она могла изобразить не только простенький супчик, но даже котлеты по-киевски или, скажем, расстегаи с грибами и зайчатинной. Но здесь ей готовить было негде, не на чем, да и что делать с теми, совершенно неизвестными ей продуктами, она не имела ни малейшего представления.

Любимым блюдом вечернего меню стала лапша. Длинная, стеклянно-прозрачная и во вкусу напоминающая скорее курятину, вымоченную в ароматных травах, чем вареное тесто. К ней в качестве прибора следовало брать длинный тонкий пинцет, на который нужно было накручивать скользкие пряди, и если бы Лада ещё в далёкой юности не научилась есть при помощи китайских палочек, у неё бы с ним возникли большие проблемы.

Вечерами она ходила к искусственным прудам, где росли низенькие кряжистые старые деревья, по берегам были расставлены каменные скамьи, и пахло не сырой водой и тиной, а осенью: мокрыми листьями и грибами, которые умудряются вылезти даже в городском парке. И в любое время, когда только не приди, здесь не было не души, что странно: очень хорошее местечко для отдыха и уединённых размышлений.

Она брала булочку, одну из тех, которыми торговали навывнос в «Прудках» крошила хлеб в воду и наблюдала, как живущие в прудах крупные рыбы жадно хватают разинутыми ртами угощение.

Да, теперь у неё оставались силы на долгие неспешные вечерние прогулки, чему Лада удивлялась, но принимала сей факт с благодарностью. А вот пройтись по более оживлённым улицам вечернего города её совершенно не тянуло и во все не потому, что за долгий день ей успевало надоесть человеческое общество – как бы это могло произойти, если Лада и так практически всё время была одна. Однако в сумерках, когда глаза местных жителей начинали светиться тусклым потусторонним светом, она с болезненной отчётливостью начинала понимать, что не люди они и мир этот совершенно ей чужой.

И каждую ночь Лада видела сон о том, как ползёт по речному дну и не понимала насколько нормально подобное постоянство сновидений.

ГЛАВА 4. В которой Лада знакомится с местным способом путешествовать, а так же посещает анклав Гран-Гора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.